

С. ЛЕВМАН

О Лефе

У Лефа пара глаз —
И то спереди,
а не сзади.
«Назад осади» —
на нас
Орут
раз десять на день.
У Лефа
неповоротливая нога
Громок у Лефа рот —
Наше дело
вперед шагать
И глазеть
и звать вперед.

Это — программа, красочно отпечатанная на обложке журнала «Леф» № 4.

Эта программа ярко характеризует основное положение футуризма: отказ от прошлого, от прошлых литературных традиций и взглядов как в области содержания, так и в области формальной. Это основное положение было впервые выдвинуто футуристами еще до революции, и оно же является боевым знаменем Лефа в настоящее время.

Дореволюционный футуризм обосновывал это положение необходимостью разбить все старые традиции искусства, которые оказались негодными для выявления и отображения стремительного темпа нового времени — новой эпохи гигантов-городов, аэро, экспрессов и пр. Футуристы начали с того, что разворотили грамматику и синтаксис, изгнали из художественного произведения смысл и содержание, запутавшись в паутине формальных исканий. Только отдельные поэты из их среды — единицы, — в распоряжении которых были не только декларации, но и талант, выкарабкались из трясины бессмысленного жонглирования

звуками и дали зачатки нового литературного течения. В общем же и целом, вся сила футуризма заключалась в отрицании и разрушении.

Ко времени революции футуризм окончательно выдохся — выдохся и в смысле отрицания прошлого, и в области звукотворчества. Дальнейшее движение вперед приостановилось, — не хватило ни импульсов, ни горючего материала. Революция влила в футуризм новую живую струю, конечно, речь идет не о февральской, а об Октябрьской революции, которая пришла под лозунгом величайшего отрицания прошлого, под знаменем разрушения былых общественных форм жизни.

Комфутуристы любят говорить о том, как много футуризм дал революции. Но, конечно, правильное обратное утверждение: революция спасла футуризм от полной и окончательной гибели. Она дала футуризму горючий материал для дальнейшего продвижения.

Прежнее абстрактное отрицание прошлого перешло в конкретное отрицание буржуазной культуры. Бессмысленный бунт анархистствующей богемы как-то сочетался с организационным восстанием рабочего класса. Футуризм, в своей живой части, прилепился к революции, к пролетариату — и получился так называемый комфутуризм, Леф.

Но дореволюционное существование наложило свой отпечаток и на современные формы футуризма. Наряду с подлинно коммунистическими элементами в Леф влились, в силу инерции, и такие элементы, которые все еще балансируют на грани беспринципного всеотрицания и анархистствующей «зауми» («заумного» языка). И на наших глазах левый фронт искусства раздирается на две части.

Мы стоим на той точке зрения, что судить футуризм следует не за его теоретические положения, а на основании его творчества. Теоретическое обоснование в искусстве — дело наживное. Всякое подлинно жизненное, полнокровное течение в литературе совсем не обязательно иметь в своей среде талантливых теоретиков, — и совершенно достаточно, если оно имеет талантливых поэтов и писателей.

Поэтому мы сознательно ограничиваем нашу тему оценкой художественного творчества Лефа. Берем четвертую книжку журнала «Леф» и извлекаем из нее то, что к художественной литературе может быть отнесено.

Конечно, при этом нам придется сделать некоторую натяжку. Нам придется отнести к области литературы и следующее стихотворение В. Каменского:

Захурдачивая в жордубту
 По зубарам сыпь дурбинушшом,
 Расхлабысть твою да в морду ту
 Размочардай в бурд рябинушшом.
 А ишшо взграбай когтишшами,
 По зарылбу взымь колдобиной,
 Штобыш впрямь зуйма грабишшами
 Балабурдой был — худобиной.

И пр. и пр.

Вряд ли мы допустим большую ошибку, если предположим, что речь идет в этом «стихе» о том, чтобы дать кому-то по зубам и в морду. Но почему сие — поэзия, да еще поэзия, созвучная пролетариату и революции, вряд ли сможет объяснить даже столь талантливый египтолог и разгадыватель тайн, как тов. Н. Чу-жак.

От В. Каменского не отстают и А. Крученых, напечатавший в этой же книге Лефа следующее в высокой степени вразумительное стихотворение:

Гворон — чорон,
 Брат оврагу,
 Грязь карболка,
 Язв дыра в груди
 Голу — небес!
 На рогах дымит гора!
 Это — «ЧРМ»
 емнокрылиц нефтежиле,
 Морный
 Зубошумный людорез!..

Это для начала. А под конец — торжественные ноты:

Загудела, в корчах смеха закатилась,
 Взыла площадь:
 — За-ху-ху-ху-гу!
 Сканчался!
 Скон-чал-ся...
 Ха-а-а! Здравствуй пуп!..

Эти два произведения с необычайной яркостью выявляют сущность того левого фланга в Лефе, который пришел в революцию, как мать родила, не пожертвовав ничем из старых дореволюционных канонов. У него на первом плане — форма, форма и форма. Форма, влюбленная в самое себя, живущая исключительно собой и для себя. Это старый «дыл-бул-щыр», который пролез в современность, закрываясь от злобных глаз красной мантией Маяковского и других коммунистических лефов. Это

развинченный дегенерат — анархист, бессмертный Хлебников, продукт разложения и гниения буржуазного мира.

Но есть в Лефе и другой фланг, — мы назвали бы его правым, если бы не боялись задеть левое самолюбие лефов. Здесь мы имеем — *Маяковского, Асеева, Третьякова* и др. Всех их мы находим и в № 4 «Лефа».

Маяковский дал, по своему обыкновению, большую поэму, посвященную на этот раз «*Рабочим Курска, добывшим первую руду*». Эта поэма обладает всеми достоинствами и недостатками творчества Маяковского.

К недостаткам следует отнести — многоречивость, в значительной своей части бесцветную и водянистую, перешедшую в пустую риторику; гиперболичность образов, не производящую уже никакого впечатления; трафаретность литературных приемов, перепевание себя самого, что вошло уже в плоть и кровь Маяковского.

К достоинствам — отдельные яркие штрихи и образы, особенно там, где Маяковский обрушивается на противников советской власти, где он агитирует и полемизирует; яркость и злободневность замысла; экспрессия в развертывании поэмы. В этой экспрессии действительно чувствуется то бодрое напряжение, которое охватило страну в дни, когда получились первые известия о первых достижениях и работах в области Курской аномалии.

Вы, оравшие: «в лоск залускали,
Рассорил Россию подсолнух», —
Посмотрите в работе мускулы
Полуголых, голодных, сонных.

С большой силой говорит о том, что всяким поэтам и ученым поставят памятники, но кто же сможет вылепить 30 000 курских рабочих, мужчин и женщин, рывших руду?

Вам не скрестишь ручки, не напялишь тогу,
Не поставишь нянькам на затор...
Ну, и слава богу!

Но зато:

На бороды домов, на тело гулов
Не покусится никакой Меркулов.

И тут же, наряду с удачным образом — провал. Руда — красавица, рабочий — рыцарь, — какой же это футуризм и какое отношение это имеет к пролетарской идеологии?

С. Третьяков дал пьесу «Противогазы», которая замечательна не столько по своим художественным достоинствам (хотя пьеса очень недурна и займет почетное место в репертуаре клубных театров), но самым фактом того, что писатель-футурист обратился к быту, к быту заводскому. Правда, автор в примечании старается снять с себя это «пятно», но факт остается фактом. Когда талантливый футурист хочет дать вещь, созвучную пролетарской современности, он волей-неволей должен стать лицом к пролетарскому быту. Мы убеждены, что появление «Противогазов» не случайно, что оно симптоматично для дальнейшего развития комфутуризма.

Еще более убеждают нас в этом рассказы И. Бабеля — отрывки из книг «Конармия» и «Одесские рассказы». Бабель также в быту, будь это кинематографический быт гражданской войны или быт одесских бандитов. И по содержанию, и по языку, и по методу обработки материала рассказы И. Бабеля могут одинаково подойти и для «Лефа», и для всякого другого, менее «левого» журнала.

Как видно, практика Лефов сильно отстает от его теории. Этот внутренний разлад между теорией и практикой вполне понятен. Жизнь сильнее теорий, а она заставляет тех лефов, кто действительно хочет идти в ногу с рабочим классом и революцией, оставлять теоретические каноны побоку. От пустого звукотворчества они переходят к серьезному и живому творчеству языка, связывая это творчество с процессом его созидания жизнью. От надуманных и натянутых «людских стандартов» — к живым бытовым пьесам и типам.

Это не значит, конечно, что Леф отказывается от своих теорий, от крайностей своих теорий и своей практики. Но он несомненно вступает и вступил уже на путь *преодоления* их, на путь приобщения творчества к подлинным запросам жизни.

Это факт положительного значения, который необходимо отметить. Мы нисколько не сомневаемся в том, что многие достижения футуризма войдут в грядущую пролетарскую литературу. Но, конечно, это не относится к стихам В. Каменского:

Шшо, да шшо, да не нашшоками,
А в проползь брюшной шша —
Жри ховырдовыми шшоками
Раздобырдывай лешша.

Тут уже действительно — шша! Дальше некуда.

